[28] *Карсавин Л.П.* О началах. Санкт-Петербург: EMCA–PRESS, 1994. С. 81.
[29] Там же. С. 82.
[30] Там же. С. 84.
[31] См.: *Karsawins L.P.* Ontologie der Dreieinheit. Die Strukur des kreaturlichen Sens als Abbild der gottlichen Dreifaltigkeit // Or. chr. per. 1943. N 9. S. 382. Эту параллель в понимании Бытия Карсавиным и Шеллингом проводит Густав Веттер.
[32] Ibid. S. 84.
[33] См.: Ibid. S. 130, 144, 147.
[34] Ibid. S. 127.

"КОГДА ЧЕЛОВЕК СОПРИКАСАЕТСЯ С ДЫХАНИЕМ БОЖЬИМ..." (БИБЛИЯ И ЛЕВ ШЕСТОВ)

В.Л. Курабцев

Человек остановился перед Добром. И увидел, что это – добро. Которое лишает человека *личного права*, наказывает и подчиняет другим, обществу. И не увидел человек вокруг силы, которая была бы выше добра, которая бы лично его защитила. Даже Бог оказался богом, равным добру, безразличным к бесконечности человека и его жизни. Так кто же прав – Толстой с его "Богом-добром" или Ницше, явивший вместо этого Бога сверхчеловека? Род, государство, общество, "всемство" ("все мы" Достоевского) или индивид, личность, его единственная и загадочная жизнь? "Не следует ли в абсолютном эгоизме видеть неотъемлемое и великое, да *великое*, свойство человеческой природы?"[1] И не есть ли Бог – не добро, а *жизнь*, и Его присутствие в человеке узнается по мощному пробуждению силы жизни, как у Льва Толстого эпохи "Войны и мира"? И человек, которого В.В. Зеньковский считал уникально теоцентричным мыслителем в русской философии, сравнимым только с религиозными философами школы Голубинского; считал тем мыслителем, у которого творческое ядро представляло собой глубочайшее переживание "инобытия" веры, отправился в многолетний и неизведанный (потому что для каждого человека особый, от начала и до конца) путь к своей обетованной земле[2].

А начиналось все в Киеве, на древнем Подоле. Еврейский мальчик, изучавший по воле отца хасидизм и Каббалу, искал, все-таки, свое, "самое важное" – в гимназии и в университете. Сначала он решил, что это позитивизм Спенсера и Милля, потом – что философия Канта, но "самого важного" в "оскорбительной ясности" позитивистов и в принуждающей общеобязательности кенигсбергского философа не нашел. Его первым учителем философии стал поэт Возрождения, поэт полнокровной жизни – Уильям Шекспир. А другим великим учителем – философ жизни и духа Возрождения Фридрих Ницше. И был, конечно же, третий учитель – гениальная русская литература XIX–начала XX вв. (не

случайно он называл лучшими русскими философами Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова). Но в самой сердцевине философии Иегуды-Лейба Шварцмана (так назвали при рождении Льва Исааковича Шестова, 1866–1938) оказалась Библия, Священные книги Ветхого и Нового завета. Там он искал, уходя от европейского гуманизма, основанного на традициях христианства и на греческой мудрости – "Афинах", свой "Иерусалим" – сокрытую истину, спасение от уродливого мира, неущемленную жизнь.

Уже в эмиграции (с 1919 г.), прогуливаясь по залам Лувра, Лев Исаакович говорил тонкому знатоку Св. Писания Н. Татищеву: "История Авраама, Исаака, Иакова, Иосифа – семейная хроника четырех поколений. В ней не дано отвлеченного понимания жизни, но огненное понимание всем существом человека. Здесь узнают как творить, делать Жизнь... Мы по-настоящему узнаем где, когда и для чего мы живем"[3]. И хотя завершение хроники жизни, по словам Льва Шестова, "дано в Новом Завете – жизнь и дело Христа и апостолов"[4], признать Шестова христианским философом или хотя бы, как заключил Г. Федотов, – представителем "иудео-реформаторской линии христианства"[5], никак нельзя. Им владела мысль о Боге-Отце, но не о Боге-Сыне. Даже цитируя слова Иисуса Христа, он старался не называть Его имя, а писал: "как сказано в Писании". А если и упоминал, то для того чтобы утвердить имя Отца: Христос, по Шестову, подтверждает, что первая заповедь – "Слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; ...И возлюби Господа Бога твоего..." (Новый Завет, Мк, 12; 29, 30). Но "вторую подобную ей" заповедь Иисуса о любви к ближнему Шестов или не вспоминает, или связывает этот сущностный аспект христианства с влиянием "Афин".

В его понимании Бог сотворил Вселенную и жизнь по принципу "добро зело"; после первого грехопадения утвердился принцип "по ту сторону добра и зла". Сократ же сотворил "более высокую ценность" – вечное добро, по сути иллюзию человеческого разума, направленную против жизни и свободы отдельного человека. А еще раньше предавший своего Отца и уступивший зачаровывающим словам Змея (Дьявола) безгрешный Адам совершил первый и величайший грех – начал познавать добро и зло, и в результате действительно открыл немощное добро и помог рождению всеуничтожающего зла. Библейскую историю грехопадения, которая послужила основой не только его *онтологии*, но и *антропологии*, *этики*, других частей учения, Шестов понимает антигегельянски, в традиции Петра Дамиани, связывая смысл ее не с ослушанием Бога (когда само познание оказывается великим благом), а с началом познания. И это, по Шестову, стало началом греха, зла, несвободы и ужасов жизни; началом безграничной власти "пустого небытия" – Ничто – над миром и человеком. И одним из аспектов Ничто у философа предстает Этическое, включающее земную совесть, и земное сострадание, и жертвенную, по сути христианскую, любовь.

Лев Шестов был певцом всемогущего библейского Бога и почти равного Ему "живого" человека. А формулы добра и любви ему

виделись как те земные, человеческие вериги, которые ограничивают и ущемляют и святые атрибуты Бога, и великое достоинство, и права отдельного человека. По этому признаку он мог любого святого низвести до "чистейшего нуля" (князь Мышкин) или "лубочного святого" (Зосима у Достоевского). В Шестове витал вовсе не дух православия, христианства, а дух Возрождения, витализма Ницше, в определенной мере парадоксально сочетавшийся с духом "огненной" жизни Библии.

И этот дух, признавая возможности зла даже на пути к Богу (так, согласно Шестову, пошел к Богу после насилия над слабоумной девушкой отец Сергий Льва Толстого), парадоксально желал истребления не только и не столько личного, сколько общего, мирового зла, причем и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Спасения осужденных за истину "избранников" – Сократа, Джордано Бруно, пророков, всех сожженных на кострах инквизиции. И это спасение возможно, ибо библейский Бог-Абсурд и пришедший к Нему человек не знают ничего невозможного. "Перед лицом Творца нет законов ... нет принуждений... – и преступления перестают существовать"[6].

Борец за абсолютную свободу человека, но свободу *перед лицом Творца*, Шестов видел в глубинах души человека, в "капризе", в "иррациональном остатке" души то сверхэмпирическое, что роднит человека с Богом, который хотя и безосновен, но чуток к "живому" человеку, и позволяет соприкасаться с Собой его отчаявшейся душе. Но не видел, или не хотел признавать, или даже пытался оправдать, как, по его мнению, Шекспир искал оправдания Яго и Макбету, что от "каприза", от своеволия человека есть и противоположный путь – *вниз*, к философии маркиза де Сада или хищной вседозволенности сверхчеловека.

Шестов неизменно оставался адвокатом своенравных желаний своей души, и поэтому он мог обратить внимание только на некоторые атрибуты Бога, только на некоторые книги и главы Св. Писания, только на некоторые моменты библейской истории. Так история грехопадения, оказавшаяся в центре его философии, излагается только в известных пределах – предательства Адама, доказательств истинности слов Бога и обмана Змея, хотя в Книге Бытия (3; 22) Господь подтверждает, что Змей вовсе не обманул людей, и "Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно". После чего Господь изгоняет людей из рая.

А Шестов, вопреки этому, был убежден, что Адам не только *сам*, по своей воле, поддался уговорам Змея, но и сам отвернулся от дерева жизни. Между тем из этого фрагмента следует, что именно Бог почему-то не желал, чтобы сотворенные Им люди обрели бессмертие. Это и другие толкования Библии позволяют говорить о Шестове как об одном из наиболее субъективных экзегетиков.

Философ обращается почти исключительно только к Книге Бытия, и, особенно, к истории грехопадения и истории Авраама, и к Книге

Иова. Упоминает имена пророков Исаии, Иеремии, Иезекииля, некоторые фрагменты Псалтиря и Евангелия. По сути, только то, что было для него *лично* значимым и любимым.

А значимо для него было свидетельство о *невозможном* с точки зрения разума и здравого смысла, о чудесном, и о *загадочном*. Поэтому все ясное, светлое, любовное, милосердное, простое и "законное" – как вторая, подобная первой, заповедь Христа, как закон, десять заповедей Моисея – выносились за скобки. А остановка Солнца Иисусом Навином, победа Иова в споре с Богом, воскрешение Лазаря Иисусом Христом, "самое страшное... самое иррациональное и загадочное"[7] в Евангелии – только это оказывалось в фокусе его интереса. В его понимании Моисей на Синае, общающийся с Богом, – это человек истинной веры, человек необыкновенного счастья и свободы, как бы пребывающий в раю; человек, обладающий Истиной. Но Моисей, спускающийся к людям и несущий им закон, – это уже земной человек и вне Истины. Поэтому можно говорить не только об *антихристианстве* Льва Шестова, но и об его *антииудаизме*. Свободу отдельного человека философ не уступал не только обществу, человеческой морали, разумной религии, но и Св. Писанию: ему оказалась близкой мысль Игнатия Лойолы о том, что если бы и Св. Писание было против него, он бы все равно пошел туда, "куда его звал неведомый голос"[8]. То есть философ великое экзистенциальное событие в жизни человека, его прорыв в черные щели Абсурда, его чудесную личную встречу с Богом ставил выше не только любой, самой возвышенной религии, но и выше слова Божьего – Св. Писания.

В Шестове уживались и соперничали две интенции и две установки: религиозная и скептическая; он был ученым – трансрационалистом, внимательно вглядывавшимся в "неразумные" переживания человека и документальные описания откровений Лютера, Августина, других. Поэтому не удивительно, что и в поздний период своего творчества, для которого характерна ясно выраженная религиозная экзистенциальность, он мог сказать: " И даже бытие Бога еще, быть может, не решено"[9].

Однако в целом его библейский Бог предстает достаточно ясно – Он почти совершенно лишен любви и прощения, но сверх меры наделен непостижимым Произволом и безграничным могуществом, вплоть до отмены или замены любого закона природы и любого "факта". А Бог католиков унижен до такой степени, что называется "гнусным идолом". И не удивительно, что христианские мыслители не узнавали Бога в боге Шестова, а Г. Федотов даже заметил, что у него Бог скорее похож на "Вицлипуцли мексиканского пантеона".

Основа философии Льва Шестова оказалась теснейшим образом связана с Библией. Если какие-либо фундаментальные идеи он брал у Достоевского, то при этом добавлял, что Достоевский их открыл в Писании. А если у Ницше, то уже сам удивительно и "незаконно" сближал атеиста и антихристианина Ницше с духом и смыслом Евангелия: "Ницше открылась великая истина, таившаяся под евангельскими сло-

вами"[10], истина "по ту сторону добра и зла", истина жизни, а не "общие места" о любви и сострадании, которые родом не из Св. Писания, а из философии "Афин". А самое великое, чем восторгался Шестов у Достоевского, – это мысль писателя о том, что если человеку "мерзит примиряться" с "каменными стенами" основ и законов (дважды два четыре, человек произошел от обезьяны и т.п.), то это его, человека, правда и истина, тем более, что эти "каменные стены" есть не "хоть какое-нибудь слово на мир"[11], а "начало смерти". А Писание, по Льву Шестову, абсолютно противостоит двухмерности научного миропонимания и окаменевшему est (есть): "Той многогранности, которая свойственна Св. Писанию, человеческий ум, даже ум выдающийся, гениальный, постичь не может"[12]. Из одной точки там проводится бесконечное множество перпендикуляров, и люди там свободно движутся по множеству плоскостей в бесконечном пространстве.

И высшее *познание* человеку дает "библейское измерение мышления", или "новое измерение мышления", – та действительная онтологическая сила, которая сокрушает даже свершившиеся "факты" жизни, даже непроходимые расстояния между человеком и Богом; даже саму смерть. Это измерение мышления Шестов находит у бунтующего против самого Бога Иова. Диалектика судьбы этого человека из земли Уц открывает основную идею философии Шестова (путь к Богу и борьба за невозможное) и, вероятно, связана с личной судьбой философа – благополучной жизнью в доме богатого отца, любовной катастрофой и депрессией в 29 лет, уходом в "жизнь" и долгим, мучительным путем к Богу. Кроме того, Иов – один из главных героев Шестова, он – "предел" дерзновения любимого Шестовым "живого" человека, а его судьба – одна из главных тем философа.

В специфическом понимании Шестова Иов проходит тяжкий путь от обычного, жалкого старика, который теряет богатства, детей, "нечестиво" соглашается с потерями и даже благословляет имя Господа. Вот он уже с ног до головы поражен проказой, вот уже слышит от жены: "Похули Бога и умри".

Приходят друзья и советуют смириться и признать правоту Бога. И только тут что-то очень важное вспоминает несчастный старик и начинается его чудовищный бунт за свои "маленькие" человеческие права. Он уже не хочет "понимать", он уже не хочет "принимать", он перешел границу дозволенного человеку и в его душе шевелится первозданный хаос, из которого вырываются "бесчисленные самости" с их неутоленными желаниями и неутешными скорбями и устремляются по таинственным перпендикулярам к истокам и корням Жизни. Он снова становится райским человеком, для которого не было ничего невозможного и который был Господином мира, как и его Отец. И этот бунт, или "новое измерение мышления", и есть, по Шестову, истинная вера. Очень многие друзья Шестова, философы России и Европы (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, А. Камю и др.) не соглашались с таким пониманием; например, Бердяев называл это "безблагодатным максимализмом". Однако Господь, согласно Книге Иова (здесь Шестов точен), подтверждает правоту безумия старика и возвращает ему все

загубленное, да еще и вдвойне. Иов, в понимании Шестова, проходит путь от "разумного" человека к "живому", бунтующему человеку и, наконец, к человеку спасенному. Таков и другой идеал философа – Авраам, который тоже проявил небывалое дерзновение – бросился в бездну Абсурда и пошел неизвестно куда, неизвестно насколько и без надежды на успех. Потому что верил: за ним – Бог.

И снова Библию дополняет у Шестова Ницше – раскрепощенный Иов видится ему "blonde Bestie", "запутавшимся в тенетах огромным хищником"[13], рыкающим львом, бесстрашным и дерзновенным. В состоянии "зверя" вся прежняя земная жизнь человека, жизнь заключенного в мире Необходимости, отламывается и отходит в сторону. Он уже – не человек. И это есть высота человека, и это есть *Вера*.

И высший человек – человек рая, и высший мир – райский мир, – все эти идеи Шестов открывает в основном в Библии. Вера изначально, от сотворения, присуща безгрешному райскому человеку и является самым важным его качеством: "Вера и есть та свобода, которую Творец вдохнул в человека вместе с жизнью"[14].

Истину Шестов искал не только в Библии, но и в античной философии и мифологии, в истории философии, в современных ему естественных науках, даже в индийской религиозной философии (на столике возле почившего философа осталась раскрытой одна из таких книг со словами: "Брама – это радость"). Но библейские мотивы в его творчестве повторялись чаще, оказались масштабными и содержательными. Даже свою философию, мыслящую не в категориях мысли, а в "категориях жизни", он определял как "иудейско-христианскую", или "библейскую". И при этом мог сказать: "Библия, т.е. библейская философия"[15]. Она же – "экзистенциальная философия", и она же – философия "жизни". Суть ее – *великая и последняя борьба веры с разумом за невозможное*.

Отношение Шестова к Библии было сродни отношению Достоевского – как к самой великой и загадочной книге человечества, "величайшей тайне", "ибо постичь и овладеть ею нам не дано, как и не дано овладеть Истиной"[16]. Он не допускал, что сложные символы райских деревьев, как и многое другое, могли выдумать, сформулировать, понять грубые и невежественные пастухи древней Палестины. И предполагал, что, например, история грехопадения дошла до них из отдаленнейшего периода истории, может быть даже от самого Адама. Из того прекрасного времени, когда люди еще не утратили способности соприкасаться с тайной. "Древние были лучше нас и жили ближе к богам, хотя не умели ни летать по воздуху, ни переговариваться меж собой за тысячи верст!"[17] Они многого не знали и не умели. Зато Истина знала и созидала их.

И эта живая, невыразимая истина, эти загадочные вспышки Абсурда – чрезвычайно труднопостижимое и труднодостижимое для человека эллинского воспитания, живущего разумно в достаточно разумном и самоочевидном мире: "Как добиться того, чтобы, читая Писание, толковать и понимать его не так, как нас приучили... а так, как того хо-

тели... те, которые передали нам через Книгу книг то, что они называли словом Божиим?"[18]

И Лев Шестов шел к такому пониманию, шел к *мистическим глубинам* Писания, шел к многозначным тайнам и "невозможным" событиям. Шел, чтобы отстоять жизнь, человека и Бога.

[1] *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. СПб.; Шиповник, б/г. С. 133.

[2] *Зеньковский В.В.* История русской философии. Париж, 1950. Т. 2. С. 318–330.

[3] *Татищев Н.* Лев Шестов // Русская мысль. 1971. № 2846. 10 июня. С. 5.

[4] Там же.

[5] *Федотов Г.* Лев Шестов. На весах Иова // Числа. Р., 1930. Кн. 1/2. С. 262.

[6] *Шестов Л.* Умозрение и откровение. Р.: YMCA-PRESS, 1964. С. 294.

[7] *Шестов Л.* Начала и концы. СПб., 1908. С. 86.

[8] *Шестов Л.* Sola fide – Только верою. Р.: YMCA-PRESS, 1966. С. 237–238. Далее: Sola fide.

[9] *Шестов Л.* На весах Иова. Р.: YMCA-PRESS, 1975. С. 147.

[10] *Шестов Л.* Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше. Р.: YMCA-PRESS, 1971. С. 197.

[11] *Шестов Л.* На весах Иова. С. 46.

[12] *Шестов Л.* Sola fide. С. 174.

[13] *Шестов Л.* Умозрение и откровение. С. 211.

[14] Там же. С. 288.

[15] *Шестов Л.* На весах Иова. С. 251.

[16] Там же. С. 79.

[17] Там же. С. 123.

[18] *Шестов Л.* Афины и Иерусалим. Париж: YMCA-PRESS, 1951. С. 163.

ЗНАЧЕНИЕ КНИГИ С. ФРАНКА "ПРЕДМЕТ ЗНАНИЯ"*

Н.В. Мотрошилова

"Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания" – произведение выдающегося мыслителя России Семена Людвиговича Франка (1877–1950). Это вышедшее в 1915 г. сочинение было задумано и выполнено автором как общефилософское основание трилогии, в которой его метафизические, гносеологические, психологические и социально-философские идеи были приведены в стройную и детально разработанную систему. Второй частью стала книга "Душа человека. Опыт введения в философскую психологию" (1917), а третьею – работа "Духовные основы общества" (1930).

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.